

Е. П. Прохоров**ЖУРНАЛИСТИКА - "ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ"?**

(СМИ как социальный институт)

Все СМИ обладают равными возможностями для участия в общественной жизни, для реализации конституционного права на участие в управлении делами общества, для осуществления своей доли «властных полномочий». Если общество действительно демократично, то власть в той или иной мере и форме «распределяется» между всеми, иначе какая же «власть народа»? Разумеется, обсуждению подлежит также вопрос «журналистика и власть», ответ на который часто звучит так: «Журналистика - это «четвертая власть» в государстве».

Важно обратить внимание, что для одних журналистика именно «четвертая власть» без всяких оговорок. Для других же властные возможности журналистики подвергаются не только сомнению, но даже отрицанию («никакая это не власть»), и поэтому слова «четвертая власть» заключаются в кавычки, смысл которых не в указании на метафоричность выражения, а на ироническое отношение к суждению о журналистике как власти. Парадокс в том, что абстрактность суждений представителей политически противоположно ангажированных сил ведет в тупик без конкретной разработки проблемы. В конкретном же смысле одинаково верны утверждения: «оба правы», «оба неправы», «оба отчасти правы». Но проблема так важна, что нуждается в подробном разборе.

В самом общем виде власть обычно определяют как способность проводить свою волю, владение возможностями оказывать определяющее воздействие на поведение различных социальных объектов. При этом форм осуществления власти насчитывается много: это господство, командование, управление, руководство, регулирование, организация, контроль, которые в том или ином виде, связи, в тех или иных проявлениях присущи любому обществу от грубо тоталитарного до предельно демократического. Власть как возможность подчинять своей воле, управлять, распоряжаться, организовывать, контролировать осуществляется различными средствами: с опорой на аппарат принуждения (в том числе государство с авторитетом управляющих органов, правовой системой, контрольными и карающими институтами); путем экономического стимулирования, отвечающего решениям власти, поведения в различных сферах деятельности; методами идеологического воздействия, формирующего установки поведения, соответствующего разработанной во властных структурах политике в тех или иных областях социальной практики.

Таким образом, неожиданно для тех, кто считает, что есть «три власти», а журналистика «четвертая», оказывается, что «властей» в обществе множество. И не случайно словари фиксируют по крайней мере три значения понятия «власть», «пирамида» которой составляет соответственно «узкую» систему управления государственными делами (вот тут и «располагаются» три власти - законодательная, исполнительная, судебная), более широкую область прав и возможности распоряжаться, руководить, контролировать (внутрипартийная власть, власть в семье, административная власть, власть педагога в учебной группе, дирижера в оркестре и т. д.), наконец, в наиболее широком смысле власть предстает как могущество, сила, влияние («власть денег» и «власть общественного мнения», «авторитет знания» и «авторитет вождя», «сила слова» и «сила примера» и т. д.).

Властей, следовательно, оказывается много больше, чем три или четыре: власть как бы «разлита» в обществе, «пронизывает» все его формальные (институциональные) и неформальные (неинституциональные) структуры. Журналистика в силу своих особенностей как социального института обладает широчайшими «властными полномочиями» во всех сферах жизни. Поскольку управление или регулирование присутствует везде, где есть информация, то в силу и в меру эффективности своей массовоинформационной деятельности журналистика осуществляет власть и в области управления государственными делами, и в области функционирования различных социальных институтов негосударственного характера, и в области неинституционализированного функционирования общества.

Но в силу того, что журналистика как социальный институт типологически разнородна, то характер ее «властных полномочий» и способ их реализации носят соответственно различающийся характер.

Вариант первый – деятельность средств массовой информации как органов структур государственной власти. В случае, если газета или журнал выступает как орган, открыто проводящий линию своего учредителя – того или иного института государственной власти, если информационная политика СМИ жестко согласована с позицией учредителя, то его роль ограничивается только представительством этого института власти. Реализуя свою информационную политику, СМИ как орган конкретного института государственной власти информационно обеспечивает деятельность представляемого им института власти. И его власть – это продолжение власти института, чьим органом он является. А объектами влияния оказываются, во-первых, другие институты власти, во-вторых, негосударственные институты и, в-третьих, неинституционализированные части общественного организма, прежде всего общественное мнение.

Очевидно, в меру авторитета представляемого СМИ института власти и объема переданных им СМИ полномочий средство массовой информации как

орган института государственной власти располагает большими «властными полномочиями». Однако «четвертой властью» такие СМИ оказываются лишь внешне, будучи на самом деле «продолжением» власти представляемого института, что можно обозначить как «квази - четвертую власть». Вместе с тем «квази» («как будто бы») вовсе не значит «лже»: хорошо работающий «орган» аккумулирует исходящую из других социальных институтов и массовой аудитории (МА) информацию относительно своего «учредителя» и, будучи каналом обратной связи для данного института власти, может выполнять какую-то часть властных функций применительно к своему «учредителю» и затем по отношению к институтам других ветвей власти.

Второй вариант – деятельность СМИ как органов негосударственных социальных институтов. Будучи независимы от государственных властных институтов, эти СМИ могут формировать свою информационную политику таким образом, чтобы при ее реализации добиваться влияния как на другие негосударственные СИ и МА, так и на органы государственной власти. Это можно показать таким образом (схема 1)

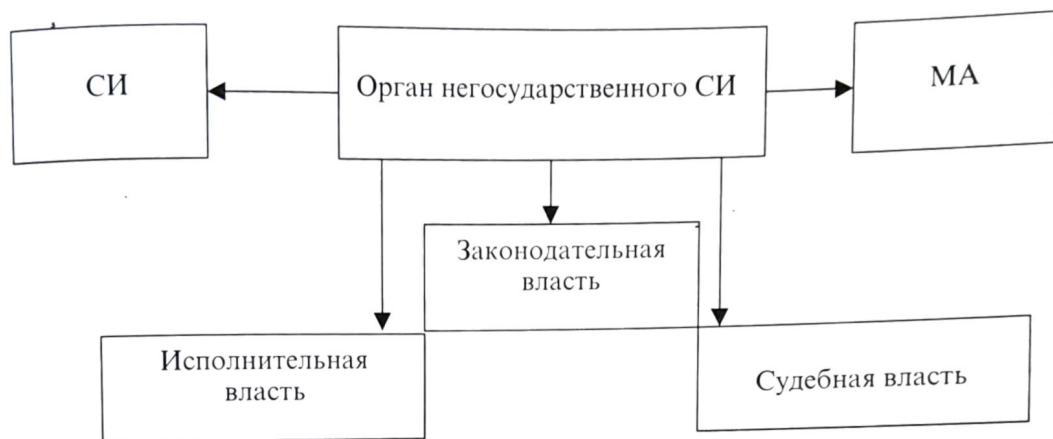

Схема 1. СИ – социальный институт, МА – массовая аудитория

Близок ко второму и третий вариант, когда СМИ действует как формально независимая от других СИ сила, хотя, как уже говорилось, «за ним» стоят те или иные СИ и МА, (притом разного характер - СИ¹, СИ² и т. д.; МА¹, МА² и т. д.) прежде всего общественное мнение определенных слоев общества, представленных в аудитории этого СМИ.

На схеме это выглядит следующим образом (схема 2).

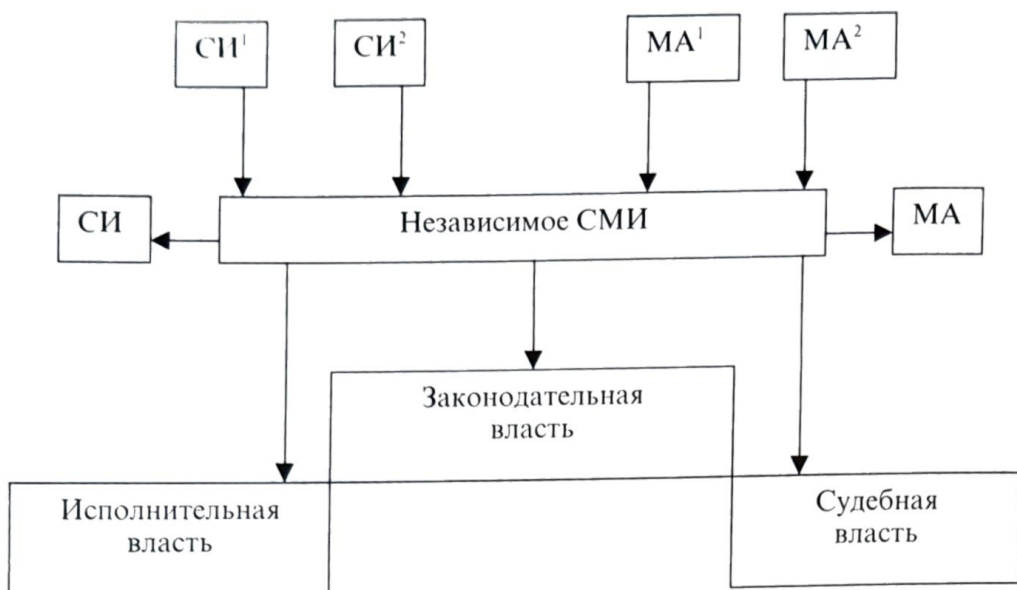

Схема 2. СИ – социальный институт, МА – массовая аудитория

Различие между этими двумя вариантами осуществления СМИ власти в обществе только в том, что орган негосударственного СИ имеет долю (определяемую в уставных документах СА и уставе его СМИ) формально закрепленных «властных полномочий» по отношению к структурам данного СИ, что определяет некоторый уровень обязательности принятия выступлений СМИ к «рассмотрению и исполнению».

Во всех других отношениях органы негосударственных институтов и независимые СМИ равнозначны в характере и объеме своих «властных полномочий». В меру своего авторитета в негосударственных СИ, в массовой аудитории и в государственных СИ своими выступлениями СМИ могут влиять «на мнения и поведение» всех этих структур социальной системы, притом в тех или иных ситуациях весьма серьезно. В частности, в ходе предвыборной борьбы, при проведении референдумов и других общегосударственных или региональных политических акций журналистика способна решительно повлиять на исход голосования или «акций давления» вплоть до изменения состава правящих структур, конституционных норм, законодательных актов.

Все это проявления ее власти. Но и при этом она не может претендовать на название четвертой. Ведь суть государственной власти («трех властей») в возможности принимать решения, обязательные для исполнения в соответствии с конституционными полномочиями и во исполнение законодательных актов, когда неподчинение грозит по закону применением законодательно же определенных санкций, вплоть до уголовного преследования нарушителя объявленной воли властей. Обладает ли такими возможностями журналистика? Ответ однозначен: нет. Следовательно, в ряд с

законодательной, исполнительной и судебной властью она встать не может (хотя, повторим, под влиянием журналистики и сами власти могут претерпеть кардинальные изменения), поскольку сколь бы сильной властью журналистика в обществе ни была, сколь влиятельны ни были ее выступления, она не вправе принимать обязательные для исполнения государственные решения. Сама журналистика и отдельные средства массовой информации не вправе. Но возникает один принципиальной важности вопрос: не следует ли по их выступлениям принимать решения, обязательные для исполнения? Поставить такой вопрос в демократическом обществе заставляют по крайней мере два обстоятельства.

Первое. Журналисты в условиях раскрепощения своих аналитических и креативных возможностей и активности в поиске и выдвижении предложений, практически применимых в различных сферах жизни общества, в результате изучения конкретных ситуаций, сложившихся в тех или иных областях экономики, управления, культуры, социальной сферы и т. д., способны (и должны!) в своих произведениях давать не только констатирующие характеристики, но и выдвигать конструктивные выводы и рекомендации с позиций тех сил, которые они представляют. И таких замечаний, вопросов, проблемных суждений, предложений становится все больше. Не использовать их в практике принятия решений как государственными властями (во всех трех ее «ветвях»), так и другими социальными институтами – значит просто нерационально обращаться с «наработками», сделанными в СМИ. Разумеется, не все замечания и предложения, пожелания и требования надо принимать. Но и пренебрегать ими, никак не принимать в расчет при принятии решений – значит игнорировать аккумулируемые журналистикой идеи, создаваемый в СМИ «банк предложений», попусту растрчивать богатство. Невостребованность выдвигаемых журналистикой идей имеет еще одним следствием падение доверия к ней у населения. Если нет никаких откликов со стороны заинтересованных лиц, то очевидна реакция аудитории: СМИ не пользуются авторитетом у СИ, а следовательно, или оно в своем анализе явления жизни постоянно ошибается, или никуда не годно работают социальные институты, деятельности которых касаются выступления средств массовой информации. В любом случае эффект в аудитории крайне отрицателен.

Второе. В демократическом обществе заявление гражданина, обращенное в те или иные официальные органы или по закону, или по обычному праву, подлежит рассмотрению, причем в необходимом случае дело должно получить «ход», а гражданин – ответ. Это тем более так, ибо гражданин имеет свою «долю» в праве управлять общественными делами, что и фиксируется конституционными актами. Почему же тогда выступления журналистики по принципиальным общественным вопросам можно

(буквально!) бросать в корзину? Даже по закону о средствах массовой информации официальные инстанции ничем не обязаны СМИ, имеют полное право не отвечать на прямые обращения к ним. Они обладают одним правом – возможностью не согласиться, «правом на ответ», который СМИ обязаны опубликовать. Это ли демократическое решение проблемы учета мнений, заявленных в СМИ? И пока такое положение сохраняется, кавычки, в которые заключают слова о «четвертой власти», имеют в значительной доле иронический оттенок.

Закон, а также следующая за ним практика, по всей вероятности, неадекватно отражают объективное положение и роль СМИ в обществе. И если это не роль четвертой власти, то уж «четвертой властью» (без всякой иронии: кавычки – только указание на метафорический характер использования термина) журналистика является именно в силу своих возможностей осуществлять «властные функции» как в институционализированных, так и неинституционализированных сферах жизни общества.

Употребление применительно к СМИ термина «четвертой власти» хорошо и справедливо еще и потому, что тем самым снимается нередко заявляемая (явно или скрыто) претензия журналистских институтов на «сверхвласть». Это, в частности, проявляется тогда, когда в материалах СМИ к решениям и действиям «трех властей» относятся без уважения, не принимая в расчет, что они сформированы на основе демократической процедуры и на время своих полномочий являются высшими институтами государственной власти. Журналистам часто не просто изменяет чувство меры, но выявляется недостаток политической культуры, юридической компетентности в сфере «властных полномочий» разных структур и юридических требований к «законопослушанию» - соблюдению всеми (и журналистами) конституционных норм и требований законоположений.